

ТЕПЛО

На лестничной площадке, как и во всем подъезде, было темно и тихо. Прежде чем позвонить, он прислушался, затем набрал полную грудь воздуха, словно собираясь нырнуть в холодную воду, и надавил на кнопку звонка. За дверью квартиры, где он не был столько лет, раздалось не пронзительно-требовательное, услышать которое он так мечтал, а мелодичное — тон-тон! Он надавил снова, прислушался — тихо! Тогда он приложил ухо к двери, но кроме глухого шума пустоты ничего не услышал.

«Где же она? — тревожно подумал он. — Может, на работе? Но она всегда работала в первую смену. Хотя...»

Он постоял и позвонил в соседнюю, к старикам, у которых с женой иногда коротали вечера за игрой в лото.

Эти вечера и стариков он вспоминал там, где отбывал наказание, куда чаще, чем другие — шумные, полные света и музыки. Вспоминал обычно в те дни, когда от работы ныли руки и плечи, а от тоски по любимой, по воле — сердце. Он старался и никак не мог понять, отчего эти смешные выкрики старика, маленького, белоголового — «барабанные палочки», «купчиха», «дед», — там были куда нужней

и понятней, чем залихватская дробь ударника и полосующая сердце скрипка. Или негромкое старухино «что бог послал». И в письмах к жене он, сам не зная толком почему, всегда передавал старикам приветы и самые наилучшие пожелания.

На звонок послышались знакомые шаркающие шаги, и дверь приоткрылась на длину цепочки, уронив под ноги полосу света, показав лицо старухи, маленькой, в тесно облегающем голову белом платке.

«Постарела» — подумал он, а вслух весело сказал:

— Здравствуйте, Антонина Александровна!

Не узнаете?

Старуха подслеповато сощурилась, не стесняясь, как все старые люди, окинула его с ног до головы взглядом, узнав, улыбнулась беззубым ртом:

— Это ты, Саша?

— Я, бабушка, я! Вернулся вот. Где Галина, не скажете?

Старуха зачем-то оглянулась в глубину квартиры, пожевала губами, переспросила:

— Галина-то?

— Да... Звоню, а никто не открывает.

— Нет у тебя Галины-то, — старуха мелко закашляла. — Замуж она вышла... Дай бог памяти, месяца, поди, два аль три назад.

— Как это «вышла»? — растерянно про бормотал он, чувствуя, как слабеют ноги.

— А так и вышла, — старуха вздохнула. — Как все. Говорила, что положение есть какое-то, что ежели мужчина на три года в тюрьму упекли, то и развода не надо.

И то, что старуха знала об этом законе

и о чужом ей слове «упекли», заставило поверить в то, что, правда, вышла.

— Новый-то ее каждый день встречать

ходит. Обходительный, вежливый, ну чистый кавалер. Да ты заходи в квартиру-то... Не ладно это через порог-то разговаривать.

— Спасибо, — вяло отозвался он, глядя в сторону. — Я уж тут как-нибудь.

— Ну, как знаешь, милый, как знаешь, — старуха вздохнула, покачала головой. — Ой, как неладно-то вышло. В мое время, помню... — и, не договорив, тихо закрыла дверь.

Стало темно. Он огляделся. Из дверных глазков цедился нездоровый желтый свет.

Он достал папиросы, ломая спички, закурил и сел на ступеньку. Она была холодной и плоской, как и другие, что бежали вверх и вниз, услужливо и равнодушно помогая людям прийти и уйти.

Затянувшись табачным дымом, он выбросил папиросу и, глядя, как меркнет в темноте оранжевая крапинка, процедил:

— Ладно. Разберемся, — и сжал кулак.

В последнем письме, что он получил полтора месяца назад, и слова не было о ее настоящей жизни. Правда, оно было сухим, но он не придавал этому большого значения, как не придавал значения и словам товарища, работавшего вместе с ним.

— Вот и все, что от моей любви осталось, — горько сказал товарищ, глядя на кисть руки, где на запястье было выколото женское имя. — Одни только буквы. А письма писала, — он горько усмехнулся, сплюнул: — Люблю, ненаглядный, жду, ну, и все такое... «Дождалась». Возвращаюсь домой, а... — он заскрежетал зубами. — Ну, врезал я ее новому, другу своему бывшему, а надо было ей, да рука не поднялась. Маленькая она, хрупкая... Снова сел. А ты за что?

Он никогда и никому не рассказывал, за что получил срок, а тут не сдержался. Может, потому, что тоскливо было, а может, еще почему. Ответил сухо:

— За двадцать копеек, — и, не дожидаясь расспросов, продолжил: — На работу шел. Дежурным слесарем-сантехником работал.

Посередине двора встретился с тремя. Дай,

говорят, парень, двадцать копеек. Нет, говорю. А у меня и на самом деле не было. По прыгай, говорят, может, и есть. «А пошли вы

все... — я им, — сами прыгайте». Ну, от первого удара я увернулся, второй угодил в плечо...

Короче, бить перестали, когда упал.

— Удрал бы.

— Хотел. Да как представил себя трусливо бегущим через весь двор, мимо знакомых... Только голову руками закрыл. Ну, встал я, а один из них, что повыше, и говорит: «А на будущее, парень, учти, что лучше дать, когда просят, чем получить», и дальше пошли, словно ничего и не произошло, да еще посмеиваются... Разозлился я. Обидно. Ладно б за дело, а то ни за что. За голенищем у меня газовый ключ был...

— Что ж, никто заступиться не мог?— удивленно спросил товарищ.

— Были... Мужики у подъезда стояли. Знакомые. Я им тайком от начальства батареи в квартирах наращивал. Разбежались как тараканы. Бабы орут, а что толку-то.

— Что ж на суде-то? Ведь их было трое, а ты один.

— Вот именно — трое, и трезвые все.

— А ты?

— А у меня был стакан вермута выпит.

— Но свидетели?

— Какие, к черту, свидетели. Не нашлось свидетелей.

— А тем что?

— А ничего. Испугом отделались. Товарищ присвистнул, покачал головой...

Он встал, прислонился плечом к косяку двери. В какое-то мгновение ему захотелось вышибить ее и войти в тепло, принадлежавшее ему, но он, пересилив себя, только саданул по ней кулаком до боли в пальцах. Но что для двери его удар? Так, немота одна.

Этажом выше послышался звук открываемой двери, резкий мужской голос пробасил:

— Хватит тебе! Русским же языком ска зал, что после работы — сразу домой. Ладно, хватит!

Дверь резко захлопнулась, и раздались шаги. Увидев его, стоящего у двери, мужчина приостановился, а затем быстро прошел мимо, почти сбежал по лестнице.

Сашка усмехнулся, подойдя к одному из глазков, посмотрел на часы. Близилась полночь.

— Скоро придут,— пробормотал он.— Там разберемся.

«А с чем разберемся? — мелькнула мысль.— С правом человека разлюбить?» И эта неожиданно пришедшая правда жизни настолько ошеломила его, что он недоуменно оглянулся.

Хлопнула, жадно сберегая тепло подъезда, входная дверь. Послышался знакомый голос:

— Ты не замерз?

Она всегда так спрашивала, когда они зимой возвращались из гостей или из кино. Но сейчас этот вопрос относился не к нему, а к тому, другому, и ему стало больно, так больно, как никогда в жизни.

— Нет,— прозвучал в ответ неторопливый мужской голос.— Не успел.

— А я замерзла. Я такая мерзлячка, что просто ужас.

Щелкнул выключатель. На лестничной площадке стало светло.

Он, сам не зная почему, взбежал на один марш. Взбежал на цыпочках, замирая.

Они поднимались неторопливо, негромко переговариваясь. Мужчина поддерживал ее под локоть.

— Ключи у тебя?—спросила она, когда подошли к двери.

— Должны быть у меня.

Они стояли рядом, касаясь друг друга локтями. На ней было дорогое пальто с меховым воротником, сапожки, которые они почему-то все собирались, да никак не могли купить.

— ВОТ.

Он видел, как тот, новый ее муж, достал маленький ключик от его большой квартиры, открыл дверь, пропустил ее вперед, и дверь закрылась, оставив на лестничной площадке запах ее духов.

Глазок в их двери загорелся бледно-красным светом, словно не спал всю ночь.

— Вот и все,— пробормотал он, криво усмехаясь.

Ему хотелось пройти мимо двери с шумом. Зачем?—он и сам не знал. А подошел тихонько, словно вор. Прислушался. За дверьми о чем-то говорили, верно, о хорошем, потому что раздался смех.

Ступеньки охотно показывали дорогу к выходу, а перила бережно поддерживали

На улице было холодно. Воздух такой, что, кажется, крикни, и он рассыплется на мириады мелко позванивающих льдинок.

Он глубоко вздохнул, отошел на несколько шагов от крыльца.

Дом спал. Спал, как ребенок, тихо и глубоко. И лишь одно окно, нестерпимо яркое и четкое, вызывающе глядело в ночь, готовилось ко сну. Занавески не были задернуты, и он хорошо видел, как они, сидя друг против друга, пили чай.

Он сунул руки в карманы куртки и медленно пошел прочь. В конце двора остановился, переступил с ноги на ногу и зашагал в сторону котельной, труба которой высилась над крышей стоящего напротив здания.

Снег колко скрипел под ногами. Железная дверь котельной провизжала в петлях. Клубы холодного пара ринулись в пропахшее шлаком и углем тепло, расплзлись по полу и растаяли.

В котельной было серо от скудно светящей лампочки. Ровно гудел электромотор.

— Кого это там черт принес на ночь глядя?— раздался хриплый, недовольный голос.— Я вроде никого не звал!

— Не шуми, Силантий,— хмуро сказал Сашка, входя в дежурную комнату.— Тогда шумел и сейчас шумишь. Пора бы и разучиться.

Сидящий на грязном, мягком от старости диване мужчина вгляделся, расплылся в улыбке:

— А-а, это ты, Саня,— он приподнялся, цепляясь рукой за стоящий рядом стол, на котором лежало рассыпанное домино, шагнул.— Здорово, и с прибытием поздравляю со всем моим удовольствием и радостью. Потому как я всегда рад видеть тебя,—он приложил руку к виску, другой показал в сторону дивана:—Прошу в мои апартаменты. Пла ты не беру, потому как не убрано.

— Снова под «газом»?— Сашка сел на табурет, стоящий рядом с тумбочкой для телефона.

— А ты мне стакан подавал? Не подавал,— мужик повертел пальцем перед своим лицом.— А потому вопрос излишен. Садись сюда!—он хлопнул ладонью по спинке дивана и, не удержавшись, рухнул на него.

— Как работать-то будешь?—равнодушно спросил Сашка.— Ведь людям тепло давать надо. Разморозишь.

— А ты не бойсь,— покачнулся тот.— Не разморожу. Вот сейчас «медведя» уложу, и

будьте любезны.

Сашка знал, что значит уложить «медведя»: уголь в топку кладется не по всем колосникам, а кучей, ближе к дверце. Уголь тлеет, поддерживая температуру, которая, конечно, убывает, но очень медленно.

— Твоя-то замуж выскочила,— сказал Силантий.— С деньгами мужик, с местом, но приторный, как ликер. Ты ликер пил?

— Пил.

— Гадость. Сладкий, а производительно сти никакой.

— Что во дворе говорили, когда меня за брали?— глухо спросил Сашка.

— А ничего не говорили, а может, и говорили, не знаю. Но мужики молчали — это точно. Они ж сюда каждый вечер в домино играть приходят.

Сашка усмехнулся.

— Так я о твоей жене...

— Заткнись!

— Это дело не трудное... Это мы сейчас... Погодь. Будильник завести надо. Во-о. Через пару часов зазвонит, что б я нового «медведя»... А покуда...— он лег на диван и захрапел.

Тикал будильник. Молчал телефон. Ровно гудел электромотор, а из душевой слышался шум льющейся воды.

Сашка поднял голову. Прямо в глаза из дверцы топки смотрел жаркий ярко-оранжевый глазок — там рождалось из угля пламя. Оно нагревало воду, и та, горячая, уходила к людям. Отдав им тепло, вода возвращалась, это был замкнутый круг.

Он почти наглядно представил, как вода торопится по трубопроводам к домам, как разбегается по стоякам, батареям, которые он наращивал, даря тепло и тем, кто его предал Сашка долго не двигаясь смотрел на ярко-оранжевый глазок, который медленно тускнел, затем встал и вышел на улицу.

Двор лежал перед глазами: два длинных многоэтажных дома смотрели друг на друга, словно никак не могли наглядеться. Между ними лежал снег и холод зимы. У немых подъездов стойкими оловянными солдатиками стояли фонари. Под их ярким светом мерцали крохотные иголочки снега. Огромное черное небо было усыпано звездами, они казались никелированными.

Он посмотрел на трубу. Дым из нее поднимался строго вверх и, словно наткнувшись на что-то, растекался ровным слоем. Взяв пригоршню снега, он сжал его, и сникший от тепла и силы снег покорно смялся, роняя на землю крупные, чуть теплые капли.

Вернувшись в котельную, Сашка сел на старое место, закурил.

Кочегар смачно храпел. Полоска слюны лежала на его небритом подбородке.

«А, мать их так,— подумал Сашка.— Время рассудит».

Он подошел к котлу, открыл дверцу топки и расшуровал «медведя», чувствуя с удивлением, как хорошо и спокойно становится на сердце.